

Зло под солнцем

Автор:

Агата Кристи

Зло под солнцем

Агата Кристи

Эркюль Пуаро

В романе «Зло под солнцем» Эркюлю Пуаро предстоит побывать на респектабельном курорте. Однако покой великому сыщику только снится: даже на отдыхе ему придется заняться привычным делом – расследовать убийство. На первый взгляд картина ясна – виной всему любовный треугольник. Но треугольник может оказаться и четырех- и пятиугольником, а вполне вероятно, и куда более сложной геометрической фигурой.

Агата Кристи

Зло под солнцем

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2016.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Джону, в память о нашем последнем сезоне в Сирии

План пансионата «Веселый Роджер»

Глава 1

I

Когда в 1782 году капитан Роджер Энгмеринг построил себе дом на островке в Лезеркомбском заливе, его решение явилось верхом эксцентричности. Человеку из добропорядочного семейства полагалось иметь красивый особняк, окруженный просторной лужайкой, возможно, недалеко от живописного ручья и пастбища.

Однако у капитана Роджера Энгмеринга была в жизни только одна любовь: море. Поэтому он построил свой дом – прочный, добротный, как и подобало, – на крохотной продуваемой всеми ветрами косе, населенной одними чайками, во время прилива превращавшейся в островок.

Старый морской волк так и не женился – море осталось его первой и последней избранницей, – и после его смерти дом и островок отошли к какому-то дальнему родственнику. Этому родственнику и его потомкам до неожиданного наследства не было никакого дела. Их собственные владения непрерывно сокращались, и они с каждым поколением становились все беднее.

Но вот в 1922 году наконец появилась мода на отдых на взморье, и климат побережья Девона и Корнуолла перестал считаться слишком жарким. Артур Энгмеринг обнаружил, что его огромный неудобный особняк георгианской эпохи никому не нужен, зато совершенно неожиданно он смог получить кругленькую сумму за недвижимость, давным-давно приобретенную его далеким предком капитаном Роджером.

Добротный дом был заново отделан, к нему добавились пристройки. От большой земли к острову протянулась бетонная дамба. По всему острову были проложены

«дорожки» и устроены «живописные уголки». Появились два теннисных корта, солярии, спускающиеся террасами к маленькой бухте, облагороженной мостками для купания. В результате возник прекрасный пансионат «Веселый Роджер», расположенный на острове Контрабандистов в Лезеркомбском заливе. С июня по сентябрь (плюс короткий промежуток времени на Пасху) «Веселый Роджер» был, как правило, заполнен отдыхающими до самого чердака. В 1934 году пансионат был расширен и переделан, появились коктейль-бар, более просторный обеденный зал и дополнительные номера. Цены взлетели.

Люди говорили:

– Вам доводилось бывать в Лезеркомбском заливе? Там просто чудный пансионат на острове. Очень уютно, и никаких туристов, автобусных экскурсий... Отличная кухня и обслуживание. Вам непременно нужно побывать там.

И люди отправлялись в «Веселый Роджер».

II

В пансионате отдыхал один очень важный – по крайней мере в своих собственных глазах – гость: Эркюль Пуаро. В элегантном парусиновом костюме и соломенной шляпе, надвинутой на глаза, с безукоризненно ухоженными усиками, он полулежал в удобном шезлонге и обзирал пляж. К морю от пансионата спускался террасами солярий. Берег был усеян надувными матрасами, кругами, лодками, байдарками, мячами и резиновыми игрушками. От плавательных мостиков в воду отходил длинный трамплин. В заливе покачивались три плота.

Одни отдыхающие плескались в море, другие жарились на солнце, третьи старательно натирались маслом для загара.

На самой верхней террасе солярия находились те, кто не купался. Они обсуждали погоду, открывающееся перед ними зрелище, новости из утренних газет и прочие темы, вызывающие у них интерес.

Слева от Пуаро журчал нескончаемый поток слов, изливающийся из уст миссис Гарднер под аккомпанемент постукивания спиц для вязания. У нее за спиной лежал в шезлонге ее муж Оделл К. Гарднер с надвинутой на нос шляпой, время от времени изрекающий краткое замечание, но только когда к нему обращались.

Сидящая справа от Пуаро мисс Брюстер, крепкая женщина атлетического телосложения с седеющими волосами и приятным загорелым лицом, временами недовольно ворчала. В результате создавалось впечатление, будто здоровенная овчарка своим отрывистым зычным лаем прерывала бесконечное тьяканье спица.

– Вот я и сказала мистеру Гарднеру, – говорила миссис Гарднер, – ну да, сказала я ему, осматривать достопримечательности, конечно, здорово. Но, в конце концов, сказала я, Англию мы изъездили вдоль и поперек, и теперь я хочу отправиться в какое-нибудь тихое местечко у моря и просто отдохнуть. Вот что я ему сказала, ведь так, Оделл? Просто отдохнуть. Я чувствую, мне нужно отдохнуть, сказала я. Правда, Оделл?

– Да, дорогая, – пробормотал из-под шляпы мистер Гарднер.

– И вот, – продолжала развивать свою тему миссис Гарднер, – когда я сказала об этом мистеру Келсоу из агентства путешествий Кука – это он для нас все устроил; он был ну очень любезен, я даже не знаю, что бы мы делали без него! – так вот, когда я сказала об этом мистеру Келсоу, он ответил, что лучше места, чем здесь, мы нигде не найдем. Очень живописное место, сказал он, отрезанное от всего мира, и в то же время комфорт на высшем уровне. И тут, разумеется, мистер Гард-нер, – он вмешался и спросил: а как обстоит дело с санитарными условиями? Видите ли, месье Пуаро, вы не поверите, но сестра мистера Гард-нера однажды остановилась в одной небольшой гостинице, ее также рекомендовали как уединенную, посреди болот, но можете ли вы поверить, туалет там был на улице! Поэтому, естественно, мистер Гарднер подозрительно относится ко всем подобным «уединенным» местам, ведь так, Оделл?

– Ну да, конечно, дорогая, – подтвердил мистер Гарднер.

– Но мистер Келсоу сразу же нас успокоил. Вся сантехника, сказал он, по самому последнему слову, и кухня восхитительная. И я полностью с ним согласна. И что мне еще нравится, так это интимность, если вы понимаете, что я имею в виду.

Место очень маленькое, мы общаемся только друг с другом, и все знают всех. Если в англичанах и есть недостаток, так это то, что они склонны вести себя чересчур чопорно с теми, с кем не знакомы по крайней мере пару лет. Потом-то милее людей не найдешь! Мистер Келсоу сказал, что сюда приезжают интересные люди, и я вижу, что он прав. Взять, к примеру, вас, месье Пуаро, или мисс Дарнли. О! Я просто безумно обрадовалась, когда узнала, кто вы такой, правда, Оделл?

– Именно так, дорогая.

– Ха! – резко вмешалась мисс Брюстер. – Как это замечательно, вы не находите, месье Пуаро?

Тот протестующе вскинул руки, но это был не более чем вежливый жест. Миссис Гарднер продолжала как ни в чем не бывало:

– Видите ли, месье Пуаро, я много слышала о вас от Корнелии Робсон, отдыхавшей в Баденхофе. Мы с мистером Гарднером были в Баденхофе в мае. И, разумеется, Корнелия подробно рассказала нам о тех событиях в Египте, когда была убита Линнет Риджуэй[1 - Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Смерть на Ниле»]. По ее мнению, вы были просто великолепны, и я прямо-таки смерть как хотела с вами познакомиться, не так ли, Оделл?

– Да, дорогая.

– А тут еще и мисс Дарнли... У меня много вещей от «Роз монд», а она, оказывается, и есть «Роз монд»[2 - «Роз монд» (фр. Rose mond) – «Розовый мир»; созвучно с именем Розамунд.], ведь так? По-моему, вся ее одежда так продумана. Такая чудесная линия! То платье, которое было на мне вчера вечером, – это ее работа. По-моему, она просто очаровательная женщина во всех отношениях.

Позади мисс Брюстер послышалось ворчание майора Барри, не отрывавшего своих выпученных глаз от купающихся.

– Весьма впечатляющая девочка!

Миссис Гарднер застучала спицами.

– Месье Пуаро, я должна кое в чем вам признаться. Встретив вас здесь, я испытала самый настоящий шок – только не подумайте, будто я не была в восторге от знакомства с вами, потому что я на седьмом небе от счастья. Мистер Гарднер это подтвердит. Но просто я подумала, что вас сюда привел... ну, профессиональный интерес. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать? На самом деле я ужасно впечатлительная, как вам подтвердит мистер Гарднер, и просто не пережила бы, если б оказалась причастна к какому-либо преступлению. Видите ли...

– Видите ли, месье Пуаро, – кашлянув, сказал мистер Гарднер, – миссис Гарднер очень впечатлительная.

Руки Эркюля Пуаро взметнулись в воздух.

– Но позвольте заверить вас в том, мадам, что я здесь с той же целью, что и вы, – я провожу отпуск, наслаждаюсь жизнью. Я даже не думаю о преступлениях!

– Никаких тел на острове Контрабандистов! – снова отрывисто пролаяла мисс Брюстер.

– О, но это не совсем так, – возразил Пуаро, указывая вниз. – Взгляните вон туда, на ряды загорающих. Что они собой представляют? Это не мужчины и женщины. Это просто тела.

– Среди них есть весьма привлекательные лапочки, – тоном знатока произнес майор Барри. – Вот только, пожалуй, чересчур худые.

– Да, но какое в них притяжение? – воскликнул Пуаро. – Какая тайна? Я человек пожилой, старой закалки. Когда я был молодым, можно было с трудом увидеть щиколотку. Мельком взглянуть на кружевную нижнюю юбку – какой соблазн! Плавный изгиб икры... колена... подвязки с лентами...

– Распушенность! – довольно резко промолвил майор Барри. – Распушенность!

– Гораздо практичнее то, что мы носим сейчас, – заметила мисс Брюстер.

– Ну да, месье Пуаро, – сказала миссис Гард-нер. – Знаете, я действительно считаю, что в настоящее время наши девушки и юноши ведут более естественный здоровый образ жизни. Они просто веселятся вместе и... ну, они... – Она слегка покраснела, поскольку у нее была чистая душа. – Они совсем не думают об этом, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Я вас понимаю, – сказал Эркюль Пуаро. – Это прискорбно!

– Прискорбно? – пискнула миссис Гарднер.

– Исключить всю романтику – всю тайну! Сегодня все стандартизовано! – Маленький бельгиец указал на распростертые ниже фигуры. – Это очень напоминает мне парижский морг.

– Месье Пуаро! – негодуя воскликнула миссис Гарднер.

– Тела – разложенные на досках – совсем как туши в мясной лавке!

– Месье Пуаро, вам это сравнение не кажется слишком натянутым?

– Да, возможно, – согласился тот.

– И все же, – снова заговорила миссис Гард-нер, усиленно работая спицами, – я склонна согласиться с вами в одном. У этих девушек, лежащих вот так на солнце, вырастут волосы на ногах и руках. Я так и сказала Ирен – это моя дочь, месье Пуаро. «Ирен, – сказала я ей, – если ты будешь вот так лежать на солнце, у тебя повсюду вырастут волосы – волосы на руках, волосы на ногах, волосы на животе, и как ты тогда будешь выглядеть?» Я так ей и сказала, правда, Оделл?

– Да, дорогая, – подтвердил мистер Гарднер.

Все молчали, вероятно, мысленно представляя себе бедную Ирен, с которой может случиться такое несчастье.

Миссис Гарднер свернула свое вязание.

– Как насчет того...

– Да, дорогая? – сказал мистер Гарднер и, с трудом поднявшись с шезлонга, забрал у миссис Гарднер вязание и книгу. – Мисс Брюстер, не желаете что-нибудь выпить вместе с нами?

– Нет, не сейчас, благодарю вас.

Чета Гарднеров направилась в пансионат.

– Американские мужья просто восхитительны! – сказала мисс Брюстер.

III

Место миссис Гарднер занял преподобный Стивен Лейн.

Высокому энергичному священнику было лет пятьдесят с небольшим. Его загорелое лицо и темно-серые свободные фланелевые брюки несколько не соответствовали его сану.

– Замечательное место! – воодушевленно произнес он. – Я сходил из Лезеркомб-Бэй в Харфорд и обратно по скалам.

– Сегодня для пеших прогулок чересчур жарко, – заметил майор Барри, никогда не ходивший гулять.

– Отличное упражнение, – сказала мисс Брюстер. – Я сегодня еще не занималась греблей. Ничто не сравнится с греблей для мышц живота.

Эркюль Пуаро печально посмотрел на заметную выпуклость у себя на талии. Перехватив его взгляд, мисс Брюстер благожелательно сказала:

– Вы быстро от этого избавитесь, месье Пуаро, если начнете каждый день грести веслами.

– Merci, Mademoiselle[3 - Благодарю вас, мадемуазель (фр.).]. Я ненавижу лодки!

– Вы имеете в виду маленькие лодки?

– Лодки, суда, корабли всех размеров! – Закрыв глаза, Пуаро поежился. – Движение моря, оно неприятное.

– Помилуй бог, сегодня море спокойное, словно заводь.

– Такой вещи, как абсолютно спокойное море, не бывает, – убежденно заявил маленький бельгиец. – Всегда, всегда есть какое-то движение!

– Если хотите знать мое мнение, – вмешался майор Барри, – морская болезнь – это на девять десятых нервы.

– Вот слова настоящего моряка, – усмехнулся священник. – Да, майор?

– Морская болезнь мучила меня всего один раз – и это было во время переправы через Ла-Манш. Не надо об этом думать – вот мой девиз.

– На самом деле морская болезнь – это очень странная штука, – задумчиво промолвила мисс Брюстер. – Почему одни люди ей подвержены, а другие – нет? По-моему, это так несправедливо... Причем морская болезнь никак не связана с состоянием здоровья. Весьма болезненные люди хорошо переносят качку. Кто-то мне говорил, что это как-то связано со спиной. Опять же, некоторые боятся высоты. Я сама не могу этим похвастаться, но у миссис Редферн дело обстоит гораздо хуже. На днях на тропе, ведущей по скалам в Харфорд, у нее вдруг закружилась голова, и она прямо-таки вцепилась в меня. Она рассказала мне, что однажды застряла на полдороге, спускаясь по наружной лестнице с миланского кафедрального собора. Наверх она поднялась, ни о чем не думая, а вот спуск ее доконал.

– В таком случае ей лучше не спускаться по ступеням в бухту Эльфов, – заметил Лейн.

Мисс Брюстер скорчила гримасу.

– Мне самой там жутко страшно. А вот молодежи хоть бы хны. Мальчишки Коуэны и молодые Мастерманы, так те с восторгом носятся сломя голову вверх и вниз.

– Сюда идет миссис Редферн, – сказал Лейн. – Возвращается после купания.

– Месье Пуаро, вам следует ею восхищаться, – заметила мисс Брюстер. – Она не любит загорать.

Сняв резиновую шапочку, молодая миссис Редферн потрянула волосами. Пепельная блондинка, она обладала удивительно белой кожей.

– На фоне остальных она выглядит какой-то недожаренной, вы не находите? – усмехнулся майор Барри.

Закутавшись в длинный халат, Кристина Редферн поднялась по ступеням вверх. У нее было открытое серьезное лицо, по-своему привлекательное, и маленькие изящные руки и ноги.

Улыбнувшись, она под села к отдыхающим, кутаясь в халат.

– Вы заслужили одобрение месье Пуаро, – сказала мисс Брюстер. – Он не любит тех, кто жарится на солнце. Говорит, что они похожи на мясные туши – или что-то в таком духе.

Кристина Редферн печально улыбнулась.

– Мне очень хотелось бы загорать! – сказала она. – Но моя кожа не темнеет. Она только начинает шелушиться, а руки покрываются ужасными веснушками.

– Уж лучше так, чем если б они покрылись волосами, как у Ирен, дочери миссис Гарднер, – заметила мисс Брюстер. Отвечая на вопросительный взгляд Кристины, она продолжала: – Сегодня утром миссис Гарднер была в великолепной форме. Не умолкала ни на минуту. «Не так ли, Оделл?» «Да, дорогая»... – Помолчав, она сказала: – И все же я жалею, месье Пуаро, что вы ее не разыграли. А надо было бы. Ну почему вы не сказали ей, что ведете здесь расследование одного страшного убийства и убийца, кровожадный маньяк,

находится среди отдыхающих?

– Я очень боюсь, что она поверила бы мне, – вздохнул детектив.

Майор Барри хрипло усмехнулся.

– Непременно поверила бы.

– Нет, не думаю, что даже миссис Гарднер поверила бы в то, что здесь готовится преступление, – сказала мисс Брюстер. – Это не то место, где может произойти убийство!

Пуаро заерзал в кресле.

– Но почему же, мадемуазель? – возразил он. – Почему здесь, на острове Контрабандистов, не может произойти убийство?

– Не знаю, – ответила Эмили Брюстер. – Наверное, одни места подходят для этого меньше других. Здесь не та обстановка...

Она умолкла, не в силах подобрать подходящие слова.

– Да, здесь романтично, – согласился Пуаро. – Полная умиротворенность. Светит солнце. Море голубое. Но вы забываете, мисс Брюстер, что повсюду под солнцем обитает зло.

Встрепенувшись, священник подался вперед. Его ярко-голубые глаза вспыхнули.

Мисс Брюстер пожала плечами:

– О, разумеется, я это понимаю, но все же...

– Но все же это место по-прежнему кажется вам не подходящим для преступления? Вы забываете одну вещь, мадемуазель.

– Я так понимаю, человеческую природу?

– И это тоже. Она присутствует всегда. Но я хотел сказать другое. Я собирался напомнить вам, что здесь все на отдыхе.

– Не понимаю, – недоуменно посмотрела на него Эмили Брюстер.

Вежливо улыбнувшись, Пуаро выразительно поднял указательный палец.

– Предположим, у вас есть враг. Если вы станете искать его у него в квартире, у него на работе, на улице – *eh bien*[4 - Да, так (фр.)], вам будет нужна причина, вы должны будете объяснить свое присутствие. Но здесь, на взморье, никому не нужно объяснять свое присутствие. Зачем вы приехали в Лезеркомбский залив? *Parbleu!*[5 - Черт возьми! (Фр.)] На дворе август – а в августе все отправляются на море, все отдыхают. Понимаете, для вас, и для мистера Лейна, и для майора Барри, и для миссис Редферн, и ее супруга совершенно естественно находиться здесь. Потому что в Англии в августе принято отправляться на море.

– Ну хорошо, – согласилась мисс Брюстер, – определенно, это очень оригинальная мысль. Но что насчет Гарднеров? Они ведь американцы.

– Даже миссис Гарднер, как она сама нам сказала, чувствует потребность отдохнуть, – улыбнулся Пуаро. – К тому же, поскольку она сейчас «обрабатывает» Англию, ей ну просто необходимо провести пару недель на взморье – по крайней мере в качестве туриста. Она любит наблюдать за людьми.

– Думаю, и вам тоже нравится наблюдать за людьми, да? – пробормотала миссис Редферн.

– Мадам, признаюсь, нравится.

– Вы замечаете все – абсолютно все, – задумчиво произнесла она.

Какое-то время все молчали. Наконец Стивен Лейн откашлялся и смущенно произнес:

– Месье Пуаро, меня заинтересовала одна ваша фраза. Вы сказали, что повсюду под солнцем обитает зло. Это почти дословная цитата из Екклесиаста. – Помолчав, он процитировал Священное Писание: «И сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их»[6 - Еккл. 9:3.]. – Его лицо озарилось фанатичным светом. – Я рад, что вы это сказали. В наши дни никто не верит в зло. В крайнем случае оно считается лишь противоположностью добра. Зло, говорят люди, творится теми, кто не знает ничего другого, – недоразвитыми, и их нужно не винить, а жалеть. Однако на самом деле, месье Пуаро, зло существует в действительности! Оно реальное! Я верю в Зло так же, как верю в Бога. Оно существует! Оно ходит по земле!

Священник остановился, учащенно дыша. Отерев лоб платком, он виновато огляделся вокруг.

– Извините, я несколько увлекся.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, – спокойно промолвил Пуаро. – В какой-то степени я с вами согласен. Зло действительно ходит по земле, и это следует признать.

– Раз уж об этом зашла речь, – откашлявшись, начал майор Барри. – В Индии эти мошенники факиры...

Майор Барри пробыл в «Веселом Роджере» достаточно долго, и всем уже была известна его убийственная склонность пускаться в пространные воспоминания об Индии. Мисс Брюстер и миссис Редферн быстро заговорили разом.

– Миссис Редферн, это ведь ваш муж плывет вон там, не так ли? Как мастерски он владеет кролем! Он великолепный пловец.

В то же самое время миссис Редферн сказала:

– О, посмотрите! Какая вон там очаровательная яхта под красными парусами! Она ведь принадлежит мистеру Блатту, не правда ли?

Яхта под красными парусами как раз пересекала вход в бухту.

– Странная это причуда – красные паруса, – проворчал майор Барри. Однако угроза рассказа о факирах была устранена.

Эркюль Пуаро одобрительно наблюдал за молодым мужчиной, который только что подплыл к берегу. Патрик Редферн был всеобщим любимцем. Стройный, бронзовый от загара, с широкими плечами и узкими бедрами, он обладал заразительным весельем, а природная простота вызывала любовь всех без исключения женщин и большинства мужчин.

Выйдя на берег, Патрик Редферн стряхнул с себя воду и весело помахал рукой жене. Та помахала ему в ответ.

– Пэт, поднимайся к нам!

– Уже иду!

И он направился за своим полотенцем.

В этот момент мимо прошла женщина, спускающаяся от пансионата к пляжу.

Ее появление было сравнимо с выходом на сцену ведущей актрисы.

Больше того, женщина держалась так, будто сознавала это. В ее поведении не было ни капли застенчивости. Казалось, она уже давно привыкла к тому, какой эффект неизменно производило ее присутствие.

Высокая и стройная, она была в простом белом платье для купания с открытой спиной, и каждый квадратный дюйм ее тела был покрыт ровным бронзовым загаром. Она была совершенна, как статуя. Ее пышные золотисто-каштановые волосы ниспадали роскошными волнами на плечи. Лицо обладало некоторой излишней очерченностью, которая появляется после тридцати лет, однако в целом она производила впечатление молодости – бесконечного торжества жизненных сил. В ее лице была какая-то восточная неподвижность, свойственная китайцам; уголки темно-голубых глаз слегка задирались вверх. Голову венчала причудливая китайская шляпа из нефритово-зеленого картона.

Было в ней нечто такое, отчего все остальные женщины на пляже словно потускнели и поблекли. И также неизбежно взгляды всех присутствующих мужчин обратились на нее.

Глаза Эркюля Пуаро широко раскрылись, усики одобрительно изогнулись. Майор Барри выпрямился в шезлонге, и его глаза от возбуждения выпучились еще больше. Сидящий слева от Пуаро преподобный Стивен Лейн напрягся, со свистом втянув воздух.

– Арлена Стюарт... вот как ее звали до того, как она вышла замуж за Маршалла, – хрипло прошептал майор Барри. – Я видел ее в «Прийти и уйти» до того, как она ушла со сцены. Есть на что посмотреть, а?

– Она привлекательна – это у нее не отнять, – медленно произнесла холодным тоном Кристина Редферн. – Я считаю, что она похожа... на хищного зверя!

– Месье Пуаро, вы только что говорили про зло, – быстро сказала Эмили Брюстер. – Так вот, на мой взгляд, эта женщина является олицетворением зла! Она насквозь порочна. Так получилось, что мне многое о ней известно.

– Помню, в Симле[7 - Симла – город в Северной Индии, расположен в предгорьях Гималаев.] была одна девчонка, – мечтательно произнес майор Барри. – У нее тоже были рыжие волосы. Жена младшего офицера. Можно ли сказать, что она перессорила всех и вся? А то как же! Мужчины сходили по ней с ума! А все женщины, естественно, жаждали выцарапать ей глаза! Много семей она разбила... – Он усмехнулся. – Ее муж был такой приятный, спокойный тип. Боготворил землю, по которой она ступала. Никогда ничего не замечал – или делал вид, что не замечал.

– Такие женщины представляют угрозу... представляют угрозу... – тихим голосом, проникнутым глубоким чувством, начал Стивен Лейн и умолк.

Арлена Стюарт подошла к кромке воды. Двое молодых парней, еще совсем мальчишек, вскочили и поспешили к ней. Она остановилась, улыбаясь.

Ее взгляд скользнул мимо парней к идущему вдоль берега Патрику Редферну.

Пуаро мысленно отметил, что это было все равно что наблюдать за стрелкой компаса. Патрик Редферн отклонился от курса, ноги сами собой повели его в другую сторону. Стрелка, невзирая ни на что, должна подчиняться законам магнетизма и всегда указывать на север. Ноги привели Патрика Редферна к Арлене Стюарт.

Та стояла на месте, с улыбкой поджидая его. Затем она медленно двинулась по берегу вдоль самой кромки воды. Патрик Редферн последовал за ней. Арлена Стюарт вытянулась на камне. Патрик Редферн сел рядом с нею на гальке.

Кристина Редферн гневно вскочила с места и направилась в пансионат.

V

После ее ухода наступило неловкое молчание.

– Плохо все это, – наконец сказала Эмили Брюстер. – Она просто прелесть. Они женаты всего год или два.

– Та девчонка, о которой я рассказывал, – заметил майор Барри, – из Симлы... Она разбила пару счастливых семей. Больно было на это смотреть.

– Есть такой тип женщин, – сказала мисс Брюстер, – которым нравится разрушать семьи. – Помолчав минуту-другую, она добавила: – Патрик Редферн дурак!

Эркюль Пуаро ничего не сказал. Его взор был устремлен на пляж, но он смотрел не на Патрика Редферна и Арлену Стюарт.

– Пожалуй, я пойду за своей лодкой, – сказала мисс Брюстер.

С этими словами она ушла.

Майор Барри с мягким любопытством обратил на детектива свои глаза, похожие на вареные ягоды крыжовника.

– Ну, Пуаро, – сказал он, – о чем вы думаете? Вы рта не открыли. Что вы думаете об этой сирене? Горячая штучка!

– C'est possible[8 - Возможно (фр.).], – согласился Пуаро.

– Ну же, старина! Знаю я вас, французов!

– Я не француз, – холодно возразил Пуаро.

– Все равно, не говорите мне, будто вам не нравятся хорошенькие девочки! Ну, что вы о ней думаете?

– Она не так уж и молода, – подумав, сказал детектив.

– Ну и что? Женщине столько лет, на сколько она выглядит. А она выглядит как надо.

Эркюль Пуаро кивнул.

– Да, она действительно красивая, – сказал он. – Но в конечном счете главное – не красота. Не красота заставляет головы всех мужчин – за исключением одного – поворачиваться вслед Арлене Стюарт.

– Это ТО САМОЕ, старина! – воскликнул майор. – Вот что это – ТО САМОЕ! – Помолчав, он вдруг спросил с любопытством: – А вы куда так пристально смотрите?

– Я смотрю на исключение, – ответил Пуаро. – На того единственного мужчину, который не поднял взгляд на проходившую мимо Арлену Стюарт.

Проследив за его взглядом, майор Барри увидел мужчину лет сорока, светловолосого и загорелого.

У него было спокойное приятное лицо. Он сидел, попыхивая трубкой, и читал «Таймс».

– А, этот! – воскликнул майор Барри. – Так это ж ее муж, старина! Это же Маршалл!

– Да, знаю, – спокойно произнес Пуаро.

Майор Барри хмыкнул. Сам он был холостяком и привык разделять мужей на три вида: «Препятствие», «Неудобство» и «Ширма».

– По-моему, отличный парень, – сказал он. – Спокойный. Интересно, а мне уже принесли «Таймс»?

И, встав, майор направился в пансионат.

Пуаро медленно перевел взгляд на Стивена Лейна.

Священник пристально смотрел на Арлену Маршалл и Патрика Редферна. Внезапно он повернулся к Пуаро. Его глаза вспыхнули суровым фанатичным огнем.

– Эта женщина – воплощенное Зло, – сказал он. – Вы в этом сомневаетесь?

– Трудно сказать, – медленно произнес де-детив.

– Но, боже мой, разве вы не чувствуете это в воздухе? Повсюду? Присутствие Зла.

Пуаро медленно кивнул.

Глава 2

Когда Розамунд Дарнли подсела к Эркюлю Пуаро, тот даже не попытался скрыть свою радость.

Как он уже признался, он восхищался Розамунд, как никакой другой женщиной на свете. Ему нравились изящные линии ее фигуры, гордо вскинутая головка, манера держаться. Нравились аккуратные гладкие волны ее темных волос и ироничная улыбка.

На Розамунд Дарнли было платье из темно-синей ткани с белой отделкой. Оно выглядело очень просто, но за этой простотой стояли большие деньги. Мисс Дарнли, владелица «Роз монд», являлась одним из самых известных лондонских модельеров.

– Мне здесь не нравится, – сказала она. – Я недоумеваю, зачем сюда приехала!

– Но вы ведь уже бывали здесь, разве не так?

– Да, два года назад, на Пасху. Но тогда здесь было гораздо меньше народу.

Пуаро внимательно посмотрел на нее.

– Что-то стряслось, и вас это беспокоит, – мягко сказал он. – Правда?

Розамунд кивнула, покачала ногой и опустила глаза.

– Я встретила призрака, – сказала она. – Вот в чем дело.

– Призрака, мадемуазель?

– Да.

– Призрака чего? Или кого?

– О, призрака себя самой.

– И этот призрак причинил вам боль? – мягко спросил Пуаро.

– Причем совершенно неожиданно. Понимаете, он увел меня в прошлое... – Умолкнув, она задумалась. – Представьте себе мое детство... Нет, у вас не получится! Вы не англичанин.

– У вас было настоящее английское детство? – спросил Пуаро.

– О, до невозможности английское! Сельская местность... большой запущенный дом... лошади, собаки... прогулки под дождем... костры в лесу... яблоки в саду... вечная нехватка денег... старые твидовые костюмы... одни и те же платья... заброшенный сад, с огромными астрами, распускающимися осенью подобно знаменам...

– И вы хотите вернуться туда? – мягко спросил Пуаро.

Мисс Дарнли покачала головой.

– Возвратиться в прошлое нельзя, ведь так? – сказала она. – Нет, этого я не хочу. Но мне хотелось бы идти дальше... другим путем.

– Даже не знаю... – пробормотал Пуаро.

– На самом деле и я не знаю! – рассмеялась Розамунд.

– Когда я был молодым – а с тех пор, мадемуазель, на самом деле минуло много времени, – все увлекались одной игрой под названием «Если б ты не стал самим собой, то кем бы ты стал?». Ответы записывали в альбомы молодым девушкам. Ответ, мадемуазель, на самом деле найти очень непросто.

– Да, пожалуй. Это был бы большой риск. Мало кому захочется быть Муссолини или принцессой Елизаветой. Что касается друзей, то мы о них почти ничего не знаем. Помню, я как-то познакомилась с очаровательной супружеской парой. После многих лет брака они были так любезны и предупредительны по отношению друг к другу, что я позавидовала этой женщине. Я готова была с

радостью поменяться с нею местами. А потом кто-то поведал мне с глазу на глаз, что на самом деле они вот уже одиннадцать лет не разговаривают друг с другом! – Она рассмеялась. – Это показывает, что на самом деле ни в чем нельзя быть уверенным, так?

Помолчав, Пуаро сказал:

– Наверное, многие вам завидуют, мадемуазель.

– О да, – спокойно подтвердила Розамунд Дарнли. – Естественно.

Она задумалась, и уголки ее губ изогнулись вверх в ироничной усмешке.

– Да, я действительно представляю собой образец женщины, добившейся успеха в жизни. Я получаю наслаждение от своего творчества – мне действительно нравится создавать одежду, – и при этом я успешная деловая женщина. Я не стеснена в средствах, у меня хорошая фигура, я не уродлива и знаю, что сказать. – Мисс Дарнли помолчала, ее улыбка стала еще шире. – Ну конечно – у меня нет мужа! Тут у меня провал, не так ли, месье Пуаро?

– Мадемуазель, – галантно произнес детектив, – если вы не замужем, это лишь потому, что среди представителей моего пола не нашлось никого, владеющего в достаточной степени даром красноречия. Вы остаетесь одна по своей воле, а не в силу обстоятельств.

– И тем не менее, – сказала мисс Дарнли, – я не сомневаюсь в том, что вы, подобно всем мужчинам, в глубине души уверены в том, что ни одна женщина не может быть довольна жизнью, если она не замужем и у нее нет детей.

Пуаро пожал плечами.

– Выйти замуж и завести детей – общий удел всех женщин. И только одной женщине из ста – нет, из тысячи! – удастся сделать себе имя и добиться положения в обществе, как это сделали вы.

– И тем не менее я всего-навсего несчастная старая дева, – усмехнулась Розамунд. – По крайней мере, вот кем я чувствую себя сегодня. Я была бы

гораздо счастливее, если б зарабатывала гроши, имела бы здорового и неразговорчивого грубияна-мужа и целый выводок надоедливых детей. Как вы считаете?

– Раз вы так говорите, мадемуазель, – пожал плечами Пуаро, – значит, так оно и есть.

Розамунд рассмеялась. К ней тотчас же вернулось хорошее настроение. Она закурила сигарету.

– Определенно, месье Пуаро, вы умеете разговаривать с женщинами. Теперь мне уже хочется принять противоположную точку зрения и отстаивать необходимость карьеры для женщин. Конечно, у меня все прекрасно – и я это знаю!

– В таком случае, в саду – или лучше сказать на взморье? – все отлично, мадемуазель.

– Совершенно верно.

Пуаро также достал портсигар и закурил свою любимую тонкую сигаретку. Провожая взглядом поднимающееся облачко дыма, он пробормотал:

– Значит, мистер... нет, капитан Маршалл – ваш старый друг, мадемуазель?

Розамунд выпрямилась в кресле.

– Откуда вы это узнали?.. А, должно быть, вам сказал Кен.

– Никто мне ничего не говорил, – покачал головой Пуаро. – Как-никак я детектив, мадемуазель. Это заключение было очевидным.

– Не понимаю, – сказала мисс Дарнли.

– Но подумайте сами! – Маленький бельгиец возбужденно всплеснул руками. – Вы здесь уже неделю. Вы были жизнерадостной, веселой, беззаботной. Но сегодня неожиданно заговорили о призраках, о былых временах... Что

произошло? Вот уже несколько дней новые гости сюда не приезжали, и только вчера вечером приехал капитан Маршалл с женой и дочерью. А сегодня – такая перемена! Это же очевидно.

– Что ж, вы правы, – согласилась Розамунд Дарнли. – Мы с Кеннетом Маршаллом выросли вместе. Маршаллы жили по соседству с нами. Кен всегда относился ко мне хорошо – но с некоторой снисходительностью, разумеется, поскольку был на четыре года старше. Я его очень долго не видела – пожалуй, лет пятнадцать, не меньше.

– Очень долго, – задумчиво произнес Пуаро.

Розамунд кивнула.

Какое-то время они молчали, затем детектив спросил:

– Он приятный человек, да?

– Кен просто прелесть! – с теплотой в голосе сказала Розамунд. – Один из лучших! Ужасно спокойный и сдержанный. Я бы сказала, единственный его недостаток – это склонность к неудачным бракам.

– А... – тоном полного понимания протянул Пуаро.

– Кеннет глупец – полный глупец во всем, что связано с женщинами! – продолжала Розамунд Дарнли. – Вы помните дело Мартингдейлов?

– Дело Мартингдейлов? – наморщил лоб Пуаро. – Дело Мартингдейлов... мышьяк, кажется?

– Да. Семнадцать или восемнадцать лет назад. Жену судили за убийство своего мужа.

– Но выяснилось, что он сам принял мышьяк, и ее оправдали, так?

– Совершенно верно. Так вот, после того как эту женщину оправдали, Кен на ней женился. Вот какие глупости он совершает.

– Но что, если она была невиновна? – пробормотал Пуаро.

– О, думаю, она действительно была невиновна, – нетерпеливо сказала мисс Дарнли. – На самом деле никто ничего не знает! Но в мире полно женщин, и вовсе не обязательно брать в жены ту, которую судили по обвинению в убийстве.

Пуаро ничего не сказал. Возможно, он понимал, что, если будет молчать, Розамунд Дарнли станет говорить дальше. Так та и поступила.

– Конечно, Кен тогда был очень молод, всего двадцать один год. Он был без ума от этой женщины. Она умерла при родах Линды – через год после свадьбы. Я так понимаю, Кен был буквально разбит ее смертью. Потом он надолго пустился во все тяжкие – полагаю, чтобы забыть. – Розамунд помолчала. – А затем случилась эта история с Арленой Стюарт. Та тогда выступала в варьете. И как раз в это время был шумный развод Кодрингтонов. Леди Кодрингтон развелась с мужем, обвинив его в связи с Арленой Стюарт. Говорят, Лорд Кодрингтон был просто без ума от нее. Считалось, что они поженятся, как только решение о разводе вступит в силу. Однако в действительности, когда до этого дошло, он на ней не женился. Оставил ее с носом. Кажется, она даже подала на него в суд, обвинив в том, что он нарушил свое обещание. Так или иначе, это дело наделало много шума. И тут появляется Кен и женится на Арлене... Дурак, полный дурак!

– Мужчине простительно подобное безумство, – пробормотал Пуаро. – Она прекрасна, мадемуазель.

– Да, в этом нет никаких сомнений... А года три тому назад разразился еще один скандал. Старый сэр Роджер Эрскин оставил Арлене все свои деньги до последнего пенни. Можно было бы предположить, что уж это-то должно было наконец открыть Кену глаза.

– Но не открыло?

Мисс Дарнли пожала плечами.

– Я же сказала вам, что много лет не виделась с ним. Однако говорят, что он отнесся ко всему с полным безразличием. Почему, хотелось бы знать? Неужели в

нем живет абсолютно слепая вера в свою жену?

– Могут быть и другие причины.

– Да. Гордость с презрительно вздернутой верхней губой!.. Не знаю, какие чувства Кен в действительности к ней испытывает. Этого никто не знает.

– Ну, а она? Какие у нее к нему чувства?

Розамунд смерила Пуаро взглядом.

– У нее? Она первая во всем мире охотница за сокровищами. Да к тому же еще и людоедка! Как только в радиусе ста ярдов от Арлены появляется хоть что-нибудь стоящее, одетое в брюки, для нее это новая добыча! Вот она какая.

Пуаро медленно кивнул, выражая свое полное согласие.

– Да, – сказал он. – Все, что вы говорите, правда... Ее глаза видят только одно – мужчин.

– И вот теперь Арлена положила глаз на Патрика Редферна, – сказала Розамунд. – Он весьма привлекательный мужчина – и весьма простой, понимаете, не ловелас, любит свою жену... Именно такие для Арлены самый лакомый кусочек. Мне нравится малышка миссис Редферн – она весьма недурна в этом своем утомленном образе, – но, по-моему, у нее нет никаких шансов против этой тигрицы-людоедки, Арлены.

– Да, все обстоит именно так, как вы говорите, – согласился Пуаро.

Вид у него был удрученный.

– Насколько мне известно, Кристина Редферн работала в школе учительницей, – продолжала мисс Дарнли. – Она из тех, кто верит в то, что разум имеет силу над материей. Ее ждет горькое разочарование.

Пуаро печально покачал головой.

Розамунд поднялась.

– А жаль. – Помолчав, она туманно намекнула: – Кто-то должен что-либо предпринять.

II

Линда Маршалл стояла в ванной комнате и изучала свое лицо в зеркале. Она ненавидела его. В настоящий момент ей казалось, что оно состоит в основном из костей и веснушек. Линда с отвращением смотрела на густую копну своих темно-русых волос (сама она мысленно называла их «мышинными»), на широкие скулы и агрессивно выступающий подбородок. Губы и рот, пожалуй, были не так уж и плохи, – но, в конце концов, что такое зубы? И что это за пятно появилось у нее сбоку на носу?

Линда с облегчением увидела, что это не прыщ.

«Шестнадцать лет – это ужасно, – подумала она. – Просто ужасно!»

В этом возрасте человек не знает, кто он такой. Линда была нескладной, словно новорожденный жеребец, и колючей, словно еж. Она постоянно со всей остротой чувствовала свою неуклюжесть, а также то, что она представляла собой ни то ни се. Пока Линда училась в школе, было еще не так плохо. Но вот школа осталась позади. И теперь, похоже, никто не знал, что ей делать дальше. Отец туманно намекнул, что собирается осенью отправить ее в Париж. Линда не хотела уезжать в Париж – но, с другой стороны, она не хотела оставаться дома. Почему-то только сейчас она в полной мере осознала, как же сильно не любит Арлену.

Юное лицо Линды напряглось, зеленые глаза стали твердыми.

Арлена...

«Она зверь! – подумала девушка. – Самый настоящий зверь!»

Мачехи! Все говорят, что жить с мачехой просто отвратительно. И это правда! И не то чтобы Арлена была злой по отношению к падчерице. По большей части она вообще не обращала на нее внимания. А когда все-таки общалась с девушкой, в ее взгляде, в ее словах сквозила презрительная насмешливость. Отточенное изящество и грация движений Арлены подчеркивали подростковую неловкость Линды. В обществе мачехи девушка острее сознавала свою незрелость.

Но дело было не только в этом. Нет, не только в этом.

Линда лихорадочно порылась в задворках памяти. Она плохо разбиралась в своих чувствах и не умела давать им определение. Все было в том, как Арлена поступала с людьми...

«Она плохая, – решительно подумала Линда. – Она очень-очень плохая!»

С этим надо что-то делать. Нельзя просто презрительно задрать нос с чувством морального превосходства и выбросить Арлену из головы.

Все дело в том, как она поступает с людьми. Отец – теперь и отец стал совсем другим...

Линда задумалась, вспоминая. Вот отец, приехавший, чтобы забрать ее из школы. Вот отец, как-то взявший ее с собой на морскую экскурсию. И вот он дома – вместе с Арленой. Весь какой-то закупоренный и... и отсутствующий, как будто его здесь нет.

«И все будет продолжаться так и дальше, – подумала Линда. – День за днем, месяц за месяцем... Я этого не вынесу!»

Впереди простиралась жизнь – бесконечная череда дней, омраченных и отравленных присутствием Арлены. Линда еще не вышла из детства и плохо представляла себе пропорции времени. Для нее год казался вечностью.

В груди у девушки поднялась волна черной жгучей ненависти к Арлене.

«Я готова ее убить! – подумала она. – О, как мне хочется ее смерти...»

Оторвавшись от зеркала, Линда посмотрела на раскинувшееся внизу море.

Здесь действительно было чудесно. Точнее, могло бы быть чудесно. Столько всего интересного – пляж, бухты, петляющие тропинки... Есть где побыть в одиночестве, подурачиться. И потом еще эти пещеры, о которых рассказывали мальчишки Коуэны...

«Как было бы здесь здорово без Арлены!» – подумала Линда.

Она вернулась в мыслях к тому вечеру, когда они приехали сюда. Переправа с большой земли получилась такой захватывающей! Высокий прилив затопил дамбу, и пришлось плыть в лодке. Пансионат выглядел необычным, волнующим. И тут сидевшая на террасе высокая темноволосая женщина вскочила и воскликнула:

– О, Кеннет!

А отец Линды, страшно удивившись, сказал:

– Розамунд!

Как это свойственно юности, Линда строго и критически оценила Розамунд Дарнли. И заключила, что та пришлась ей по душе. Розамунд показалась Линде рассудительной. И прическа у нее была хорошая – она ей шла, а большинству людей их прически не идут. И одета она была замечательно. И у нее было озорное веселое лицо – словно она смеялась над собой, а не над окружающими. К тому же с Линдой Розамунд говорила не как с маленькой. Она не говорила всякое там. (Под выражением «говорить всякое там» Линда объединяла множество самых различных неприятных тем.) И, судя по всему, не считала ее, Линду, несмышленышем. Напротив, она обращалась с ней как с настоящим человеческим существом. Девушка так редко чувствовала себя настоящим человеческим существом, что испытывала глубокую признательность к тому, кто так считал.

И отец, похоже, был рад встрече с мисс Дарнли.

Забавно – совершенно внезапно он стал каким-то совершенно другим. Он стал... он стал... Линда задумалась, стараясь подобрать подходящее слово – ну конечно же, молодым! Он рассмеялся – непривычным мальчишеским смехом. Линда вдруг поймала себя на том, что в последнее время крайне редко слышала отцовский смех.

Девушка пребывала в недоумении. Казалось, она мельком взглянула на совершенно другого человека.

«Интересно, каким был папа в моем возрасте?» – подумала она.

Но все это было слишком сложно. Линда сдалась.

У нее мелькнула новая мысль.

Как было бы здорово, если бы они приехали сюда и встретили здесь мисс Дарнли – только они с отцом...

На какое-то мгновение перед ней открылась чарующая перспектива. Отец, заливающийся мальчишеским смехом, мисс Дарнли, она сама – все прелести, которые можно найти на острове, купание, пещеры...

И тотчас же снова сомкнулся мрак.

Арлена. Нельзя быть счастливым, если рядом Арлена. Но почему?.. Ну, по крайней мере, у нее, Линды, это не получается. Нельзя быть счастливым, если рядом человек, которого ты... ненавидишь. Да, ненавидишь. Она ненавидела Арлену.

Очень медленно у нее в груди снова поднялась черная обжигающая волна ненависти.

Лицо Линды стало мертвенно-бледным. Рот приоткрылся. Зрачки сузились. Пальцы напряг-лись, сплетаясь...

Кеннет Маршалл осторожно постучал в дверь комнаты своей жены. Услышав ее голос, он открыл дверь и вошел.

Арлена только что закончила последние штрихи к своему туалету. Одета в блестящее зеленое платье, она немного напоминала русалку. Стоя перед зеркалом, женщина накладывала тушь на ресницы.

– А, это ты, Кен...

– Да. Я хотел узнать, ты уже готова?

– Еще минуточку...

Маршалл подошел к окну и посмотрел на море. Его лицо, как обычно, не показывало никаких чувств, оставаясь спокойным и приятным.

– Арлена... – обернувшись, начал он.

– Да?

– Насколько я понимаю, ты уже давно знакома с Редферном?

– Ну да, дорогой, – небрежно произнесла Арлена. – Мы познакомились на какой-то коктейль-вечеринке. Он показался мне совсем ла-почкой.

– Я так и понял. Ты знала, что они с женой будут здесь?

– Нет, дорогой! – широко раскрыла глаза Арлена. – Это явилось таким сюрпризом!

– А мне показалось, – тихо произнес Кеннет, – что именно их присутствие тут навело тебя на мысль приехать сюда. Ты была очень настойчива.

Положив коробочку с тушью и обернувшись, Арлена улыбнулась – легкой соблазнительной улыбкой.

– Мне кто-то рассказал об этом месте... Кажется, супруги Райланды. Они сказали, что здесь все просто бесподобно – чистое и нетронутое! А разве тебе здесь не нравится?

– Не знаю, – пробормотал Маршалл.

– О, дорогой, но ведь ты обожаешь купаться и бродить по окрестностям. Не сомневаюсь, здесь ты будешь просто без ума от счастья.

– Вижу, ты настроена развлечься.

Широко раскрыв глаза, Арлена неуверенно посмотрела на мужа.

– Полагаю, – продолжал Кеннет, – на самом деле ты предупредила молодого Редферна о том, что приедешь сюда, ведь так?

– Дорогой, не становись таким ужасным! – возмутилась женщина.

– Послушай, Арлена, – сказал Маршалл. – Я знаю, что ты собой представляешь. – Редферны – приятная молодая пара. На самом деле этот мальчишка любит свою жену. Неужели нужно все испортить, черт возьми?

– Ты несправедлив, обвиняя меня, – возрадила Арлена. – Я ничего не сделала – абсолютно ничего. Я ничего не могу поделать, если...

– Если что? – подтолкнул ее муж.

У нее задрожали ресницы.

– Ну конечно! Я знаю, что многие сходят по мне с ума. Но я тут ни при чем. Просто люди так устроены.

– То есть ты признаёшь, что молодой Редферн без ума от тебя?

– На самом деле с его стороны это большая глупость, – пробормотала Арлена и шагнула к мужу. – Но ты ведь знаешь, правда, Кен, что, кроме тебя, мне больше никто не нужен?

Она посмотрела на него сквозь опущенные ресницы. Это был великолепный взгляд – перед ним могли устоять лишь считанные мужчины.

Маршалл мрачно смотрел на жену. Его лицо оставалось сосредоточенным. Голос его прозвучал негромко:

– Думаю, Арлена, я достаточно хорошо тебя знаю...

IV

Если выйти из пансионата на южную сторону, террасы и пляж окажутся прямо внизу. Также здесь начинается тропинка, ведущая вокруг скалы на юго-западный берег острова.

Чуть дальше от нее отходят ступени, спускающиеся к площадке, высеченной в скале, которая на плане пансионата обозначена как «Солнечная терраса». Здесь, в скале, вырезаны ниши со скамьями.

В одну из таких ниш сразу же после ужина пришли Патрик Редферн и его жена. Ночь была чудесная, ярко светила луна.

Редферны сели. Какое-то время они молчали.

– Восхитительный вечер, – наконец сказал Патрик. – Ты не находишь, Кристина?

– Да.

Что-то в голосе жены вызвало его беспокойство. Он сидел, не глядя в ее сторону.

– Ты знал, что эта женщина будет здесь? – тихо спросила миссис Редферн.

Патрик резко повернулся к ней:

– Не понимаю, о чем ты!

– А я думаю, ты меня прекрасно понимаешь.

– Послушай, Кристина, не знаю, что на тебя нашло...

Она не дала ему договорить. Ее голос дрогнул:

– На меня? Что на тебя нашло?!

– Ничто на меня не нашло.

– О, Патрик, нашло! Ты так настаивал на том, чтобы приехать сюда! Ты был просто непреклонен. Я хотела снова отправиться в Тинтаджел, где... где мы провели медовый месяц. Но ты был решительно настроен ехать только сюда.

– И что тут такого? Здесь очаровательное мест-о.

– Возможно. Но ты хотел приехать именно сюда, потому что здесь должна была быть она.

– Она? Кто?

– Миссис Маршалл. Ты... ты потерял голову из-за нее.

– Ради бога, Кристина, будь разумной! Не в твоей натуре ревновать.

Однако его гнев получился неискренним. Патрик явно был смущен.

– Мы были так счастливы, – пробормотала миссис Редферн.

– Счастливы? Разумеется, мы были счастливы. Мы и сейчас счастливы. Но долго так не продлится, если ты станешь устраивать сцену всякий раз, когда я заговорю с какой-нибудь женщиной!

– Дело не в этом.

– Нет, в этом! В браке у человека должны быть... ну... друзья. Твоя подозрительность не имеет под собой никаких оснований. Я... я не могу поговорить с симпатичной женщиной без того, чтобы ты не возомнила, будто я в нее влюбился...

Умолкнув, Патрик пожал плечами.

– Ты действительно в нее влюбился... – печально произнесла миссис Редферн.

– О, Кристина, не говори глупостей! Я... да я с ней только парой слов обменялся!

– Неправда.

– Ради всего святого, не бери в привычку ревновать меня к каждой привлекательной женщине, которая нам встретилась!

– Миссис Маршалл не просто какая-то привлекательная женщина, – с жаром возразила Кристина. – Она... она другая! Она порочная. Да, порочная! Она сделает тебе больно. Патрик, пожалуйста, остановись! Давай уедем отсюда.

Редферн упрямо вскинул голову. Вид у него сразу же стал какой-то мальчишеский.

– Кристина, не говори вздор! – с вызовом произнес он. – И... и давай не будем из-за этого ссориться.

– У меня нет желания ссориться.

– В таком случае води себя, как подобает рассудительному человеку. Возвращаемся обратно в пансионат.

Он встал. Кристина посидела немного, затем тоже встала.

– Ну хорошо... – сказала она.

Сидящий в соседней нише Эркюль Пуаро печально покачал головой.

Некоторые люди, случайно став свидетелями разговора, не предназначенного для чужих ушей, тактично удаляются. Но только не Пуаро. У него не было никаких угрызений совести на этот счет.

– К тому же, – как он объяснил впоследствии своему другу Гастингсу, – речь шла об убийстве.

– Но ведь к тому моменту убийство еще не произошло, – удивленно посмотрел на него тот.

Эркюль Пуаро вздохнул:

– Однако, *mon cher* [9 - Мой дорогой (фр.)], все уже говорило о том, что оно произойдет.

– В таком случае почему вы его не предотвратили?

И Эркюль Пуаро со вздохом повторил то же самое, что уже однажды говорил в Египте: если какой-то человек решительно настроен совершить убийство, помешать ему нелегко. Он не винил себя в том, что произошло. По его мнению, это было неизбежно.

Глава 3

Розамунд Дарнли и Кеннет Маршалл сидели на траве на вершине скалы, нависающей над бухтой Чаек, расположенной на восточной стороне острова. Отдыхающие иногда приходили сюда утром, чтобы искупнуться в одиночестве.

– Хорошо быть подальше от людей, – произнесла Розамунд.

– Мм... да, – едва слышно пробормотал Маршалл.

Перекатившись на живот, он понюхал траву.

– Пахнет хорошо. Помнишь дюны в Шипли?

– А то как же.

– А хорошее тогда было время.

– Да.

– Ты почти не изменилась, Розамунд.

– Нет, изменилась. Бесконечно изменилась.

– Ты добилась успеха в жизни, ты богата, известна, но ты по-прежнему все та же Розамунд.

– Мне бы очень этого хотелось, – пробормотала мисс Дарнли.

– Что такое?

– Так, ничего... Кеннет, а ты не жалеешь о том, что человек не может сохранить добрый характер и высокие идеалы, которыми обладал в молодости?

– Не могу сказать, что твой характер хоть когда-либо был милым. И тогда у тебя случались просто ужасные вспышки гнева. Однажды ты набросилась на меня и чуть не придушила.

Розамунд рассмеялась.

– Ты помнишь тот день, когда мы взяли Тоби и отправились охотиться на выдр?

Еще несколько минут они вспоминали былые похождения. Затем наступило молчание. Розамунд рассеянно теребила защелку сумочки.

– Кеннет! – наконец сказала она.

– Ммм... – Его ответ прозвучал невнятно. Он по-прежнему лежал, уткнувшись носом в траву.

– Если я скажу что-то такое, что, возможно, покажется тебе оскорбительно наглым, ты перестанешь со мной говорить?

Перевернувшись на спину, Маршалл сел.

– Не думаю, – серьезным тоном произнес он, – что какие-либо твои слова покажутся мне оскорбительными и наглыми. Понимаешь, ты своя.

Розамунд кивнула, услышав последнюю фразу. Она постаралась скрыть, какое ей это доставило удовольствие.

– Кеннет, почему ты не разведешься со своей женой?

Его лицо изменилось. Оно стало жестким – выражение счастья бесследно его покинуло. Достав из кармана трубку, Маршалл начал ее набивать.

– Извини, если я обидела тебя, – сказала Розамунд.

– Ты меня не обидела, – тихо произнес он.

– В таком случае, почему ты с ней не разведешься?

– Ты ничего не понимаешь, дорогая моя девочка.

– Ты... ты так сильно ее любишь?

– Дело не только в этом. Понимаешь, я женился на ней.

– Знаю. Но о ней... о ней ходит дурная слава.

Кеннет задумался, старательно набивая трубку.

– Вот как?.. Пожалуй, ты права.

– Ты мог бы с ней развестись, Кен.

– Дорогая моя девочка, ты не вправе говорить подобные вещи. Только потому, что мужчины теряют из-за Арлены головы, нельзя утверждать, что она сама также потеряла голову.

Розамунд едва сдержала резкий ответ.

– Ты мог бы устроить так, чтобы она развелась с тобой, – помолчав, сказала она. – Если тебе так больше нравится.

– Ну да, смог бы.

– Ты должен с ней развестись, Кен. Честное слово. Нельзя забывать о дочери.

– О Линде?

– Да, о Линде.

– При чем тут Линда?

– От Арлены она не может ждать ничего хорошего. Тут нет никаких сомнений. А Линда, по-моему, очень тонко все чувствует.

Маршалл поднес к трубке спичку.

– Да... в твоих словах кое-что есть, – попыхивая, сказал он. – Пожалуй, Арлена и Линда не ладят между собой. Возможно, для девочки это плохо. Меня это тревожит.

– Мне нравится Линда – очень нравится, – сказала Розамунд. – В ней есть что-то... хорошее.

– Она похожа на свою мать, – сказал Кеннет. – Принимает все близко к сердцу, как и Рут.

– В таком случае тебе не кажется, что ты действительно должен избавиться от Арлены? – спросила Розамунд.

– Договориться о разводе?

– Да. Такое происходит сплошь и рядом.

– Да, и именно это внушает мне отвращение! – с внезапным жаром воскликнул Маршалл.

– Отвращение? – удивилась мисс Дарнли.

– Да. Подобное отношение к жизни теперь стало повсеместным. Если возьмутся за какое-то дело и оно не нравится, то стремятся как можно быстрее бросить им заниматься! Черт возьми, должна же быть такая вещь, как честность. Если ты женился на женщине и взял на себя обязательство заботиться о ней, что ж, ты должен это делать. Это твой крест. Я терпеть не могу скороспелые браки и быстрые разводы. Арлена – моя жена, и этим все сказано.

Розамунд подалась вперед.

– Значит, вот как ты настроен? – тихо произнесла она. – «До тех пор, пока нас не разлучит смерть?»

Кеннет кивнул:

– Совершенно верно.

– Понятно, – протянула она.

II

Мистер Хорас Блатт, возвращаясь в Лезеркомбский залив по узкой петляющей дороге, на повороте едва не сбил миссис Редферн. Молодая женщина прижалась к живой изгороди, а мистер Блатт резко затормозил, останавливая свой «Санбим».

– При-и-иве-е-ет! – радостно воскликнул он.

Это был крупный мужчина с красным лицом и бахромой рыжеватых волос, окружающих сияющую лысину.

Он стремился быть душой и жизнью всего происходящего вокруг. По его мнению, высказанному чересчур громко, «Веселому Роджеру» следовало немного оживиться. Мистер Блатт был озадачен тем, как при его появлении люди словно растворялись и исчезали.

– Чуть было не превратил вас в клубничное повидло, да? – весело сказал мистер Блатт.

– Да, это точно, – подтвердила Кристина.

– Запрыгивайте в машину, – предложил Хора-с.

– Нет, благодарю вас, я лучше прогуляюсь пешком.

– Вздор! – не унимался мистер Блатт. – Для чего еще нужна машина?

Уступив его настойчивости, миссис Редферн села в машину. Мистер Блатт завел двигатель, заглухший из-за слишком резкой остановки.

– И что вы здесь делаете, гуляя в полном одиночестве? – поинтересовался он. – Такой красивой девушке это совсем не к лицу.

– О, мне нравится гулять одной! – поспешно заявила Кристина.

Мистер Блатт от души ткнул ее в плечо локтем, при этом едва не врезавшись в живую изгородь.

– Все девушки так говорят, – сказал он. – Знаете, это место, этот «Веселый Роджер», нужно немного встряхнуть. Веселого нет и в помине. Нет жизни. Полно совсем никчемных людей. Куча детей и стариков. Взять хотя бы этого зануду из Британской Индии, этого священника-спортсмена, этих болтающих без умолку американцев и этого усатого иностранца... его усы – один смех! Я так думаю, он парикмахер.

Кристина покачала головой.

– О нет, он детектив.

Мистер Блатт едва снова не направил машину в живую изгородь.

– Детектив? Вы хотите сказать, он здесь инкогнито?

– Нет, нет, – слабо улыбнулась Кристина. – Он всегда так выглядит. Это Эркюль Пуаро. Вы наверняка слышали о нем.

– Я не расслышал его имя, – сказал мистер Блатт. – О да, разумеется, я о нем слышал. Но я полагал, он уже умер. Черт возьми, он должен был давно умереть. И что он здесь вынюхивает?

– Ничего – он просто на отдыхе.

– Ну да, так я и думал, – с сомнением произнес мистер Блатт. – Какой-то он неестественный, вы не находите?

– Ну... – запнулась Кристина. – Возможно, чуточку странноват.

– А я скажу вот что, – решительно заявил мистер Блатт. – Чем вам плох Скотленд-Ярд? По мне, всегда и везде нужно брать только английское.

Спустившись вниз, он под торжественные фанфары клаксона загнал машину в гараж пансионата, который из-за приливов располагался на большой земле.

III

Линда Маршалл зашла в магазинчик, торговавший всем тем, что могло понадобиться постояльцам пансионата. Вдоль одной из стен тянулись полки, заставленные книгами, которые можно было взять почитать за пару пенсов. Самым новым было лет десять; были и двадцатилетние, и еще более старые.

Линда неуверенно взяла с полки сначала одну книгу, затем другую. Мельком пролистав их, она пришла к выводу, что ни за что на свете не станет читать «Четыре пера» или «Шиворот-навыворот». Затем взяла еще один маленький толстый томик в кожаном переплете.

Время шло...

– Линда, что ты читаешь?

Услышав голос Кристины Редферн, Линда вздрогнула и поставила книгу на полку.

– Ничего! – поспешно сказала она. – Я просто выбираю книгу.

Достав наугад книгу, оказавшуюся «Женитьбой Уильяма Эша», девушка направилась к кассе, ища двухпенсовую монетку.

– Мистер Блатт подвез меня до дома – после того как сначала едва не задавил, – сказала Кристина. – Я поняла, что не смогу идти по дамбе вместе с ним, поэтому сослалась на то, что мне нужно кое-что купить.

– Он просто невыносим, правда? – сказала Линда. – Вечно хвалится, какой он богатый, и шутки у него все ужасные.

– Бедняга! – заметила Кристина. – Его можно только пожалеть.

Девушка была с этим категорически не согласна. Молодая и беспощадная, она не видела в мистере Блатте ничего, за что его следовало бы жалеть.

Они с Кристиной вышли из магазина и направились по дамбе.

Линда была поглощена собственными мыслями. Миссис Редферн ей нравилась. На ее взгляд, из всех, кто находился на острове, сносными были только Кристина и Розамунд Дарнли. Начнем с того, что ни та, ни другая почти не разговаривали с Линдой. Вот и сейчас миссис Редферн шла молча, что, по мнению Линды, было разумно. Если не можешь сказать ничего стоящего, к чему болтать без умолку?

Девушка полностью погрузилась в размышления.

– Миссис Редферн! – внезапно сказала она. – У вас когда-нибудь возникало такое ощущение, будто все вокруг так ужасно, так отвратительно, что вы готовы... о... взорваться?..

Эти слова могли показаться комичными, но лицо Линды, осунувшееся и возбужденное, было серьезным. Кристина Редферн взглянула на девушку внимательно и определенно не увидела ничего смешного.

У нее перехватило дыхание.

– Да... да, – прошептала она. – У меня возникало... именно такое ощущение...

IV

– Значит, вы знаменитый сыщик? – спросил мистер Блатт.

Они сидели в коктейль-баре, его излюбленном месте.

Эркюль Пуаро подтвердил справедливость этого замечания с присущим отсутствием скромности.

– И чем вы здесь занимаетесь, – продолжал расспрашивать Блатт, – работаете?

– Нет, нет. Я отдыхаю. У меня каникулы.

– Вы ответили бы так в любом случае, не так ли? – подмигнул Хорас.

– Необязательно, – ответил Пуаро.

– А, выкладываете все начистоту! – сказал Блатт. – Скажу прямо: у меня ваша тайна будет в полной безопасности. Я не растрезвониваю все услышанное! Много лет назад научился держать язык за зубами. Я не добился бы того, чего добился, если б не умел это делать. Но вы ведь знаете, какие бывают люди: тра-та-та, тотчас же выкладывают все, что слышали! А с вашим ремеслом так нельзя... Поэтому вы стойте на своем: вы здесь отдыхаете – и точка.

– А с чего вы предположили, что это не так? – спросил Пуаро.

Мистер Блатт закрыл один глаз.

– Я повидал мир, – сказал он, – и разбираюсь в людях. Такой человек, как вы, должен был бы отправиться в Довиль, Ле-Туке или Жуан-ле-Пэн[10 - Знаменитые французские курорты.]. Вот где ваш – как это правильно сказать? – духовный дом.

Вздыхнув, Пуаро отвернулся к окну. Моросил дождь, остров был окутан туманом.

– Возможно, вы правы! – сказал детектив. – Там, по крайней мере, в плохую погоду можно найти развлечения.

– А, доброе старое казино! – воскликнул мистер Блатт. – Знаете, большую часть жизни мне пришлось вкалывать. Не было времени на отдых и всякие развлечения. Я решил стать успешным, и я им стал. И теперь могу делать все,

что пожелаю. Мои деньги ничуть не хуже любых других денег. Смею вас заверить, за последние несколько лет я кое-что повидал.

– Вот как? – пробормотал Пуаро.

– Не знаю, зачем я приехал сюда, – продолжал мистер Блатт.

– И я тоже ломаю голову, – заметил бельгиец.

– Что?

– Я тоже не лишен умения наблюдать, – красноречиво махнул рукой Пуаро. – На мой взгляд, вы должны были бы выбрать Довиль или Биарриц.

– А вместо этого мы с вами торчим здесь, так? – издал резкий смешок мистер Блатт. – Ума не приложу, почему я здесь, – задумчиво произнес он затем. – Понимаете, наверное, все дело в том, что это звучало так романтично! Остров Контрабандистов, пансионат «Веселый Роджер»... Понимаете, такой адрес щекочет нервы. Воскрешает в памяти детство. Пираты, контрабандисты, приключения... – Мистер Блатт смущенно усмехнулся. – Мальчишкой мне довелось немало поплавать. Не в здешних краях. На Востоке. Странно, но тяга к подобным вещам никогда не проходит. Если б я пожелал, у меня была бы самая навороченная яхта, но у меня почему-то не лежит к этому душа. Мне нравится бороздить волны в своем маленьком ялике. Редферн также заядлый яхтсмен, пару раз ходил со мною... Но теперь я его больше не вижу – он постоянно ошивается рядом с этой рыжей женой Маршалла.

Помолчав, он продолжал, понизив голос:

– В этом пансионате по большей части одни высушенные палки! Пожалуй, миссис Маршалл – единственное живое пятно. Можно было ожидать, что ее муженек будет занят только тем, чтобы присматривать за нею. Ходят самые разные слухи о том, какой она была, когда играла на сцене, – и после! Мужчины по ней с ума сходили... Вот увидите, здесь обязательно случится какая-нибудь беда.

– Какая беда? – спросил Пуаро.

– Всякое может быть, – ответил Хорас. – Глядя на Маршалла, я бы сказал, что у него странный темперамент. Вообще-то я слышал кое-что о нем. Мне уже приходилось видеть подобных тихонь. Имея с ними дело, никогда не знаешь, что от них ожидать. Так что Редферну лучше поостеречься...

Он умолк, поскольку в бар вошел предмет его слов. Опомнившись, мистер Блатт заговорил снова, громко, стараясь привлечь внимание:

– И, как я уже говорил, ходить под парусом вдоль этого побережья одно удовольствие... Привет, Редферн, выпьете со мной? Что будете? Сухое мартини? Отлично. Ну, а вы, месье Пуаро?

Детектив молча покачал головой.

Подсев за столик, Патрик Редферн сказал:

– Ходить под парусом? Это самое большое удовольствие в мире. Жаль, что мне редко удается этим заняться. В детстве я постоянно плавал в шлюпке вдоль этого побережья.

– Значит, вам хорошо известны эти края? – сказал Пуаро.

– А то как же! Я знал это место еще до того, как здесь открылся пансионат. Весь поселок Лезеркомб-Бэй состоял лишь из нескольких рыбацких лачуг, а на острове стоял только старый запущенный дом, весь заколоченный.

– Здесь был дом?

– О да, но в нем уже много лет никто не жил. Он буквально разваливался. Ходили легенды о том, что из него в пещеру Эльфов ведет потайной ход. Помню, мы постоянно искали этот потайной ход.

Блатт пролил коктейль. Выругавшись, он промокнул жидкость салфеткой и спросил:

– И что за пещера?

– О, разве вы не знаете? – сказал Патрик. – Она в бухте Эльфов. Вход в нее найти непросто. Он сбоку, за грудой валунов. Лишь длинная узкая расселина. В нее с трудом можно протиснуться. Затем расселина расширяется и становится просторной пещерой. Можете представить себе, с каким удовольствием мы лазили туда в детстве! Пещеру мне показал один старый рыбак. Сейчас даже местные жители о ней не знают. Я тут на днях спросил у одного, почему это место называется пещерой Эльфов, так он не смог мне ответить.

– Но я все равно ничего не понимаю, – сказал Эркюль Пуаро. – Что такое эльф?

– О, это чисто девонширские легенды. В Шипсторе-на-Болоте есть пещера эльфов. Понимаете, нужно оставить там булавку, в качестве подарка для эльфа. Эльф – это такой дух, обитающий на болоте.

– О, это крайне любопытно! – сказал Эркюль Пуаро.

– В Дартмуре по-прежнему бытует множество преданий, связанных с эльфами, – продолжал Патрик Редферн. – Здесь много скал, в которых якобы обитают эльфы, и, полагаю, многие фермеры, возвращаясь домой после бурной ночи, до сих пор жалуются на то, что эльфы сбивают их с пути.

– Вы хотите сказать, когда они перебрали? – спросил Хорас Блатт.

– Несомненно, это самое распространенное объяснение, – улыбнулся Патрик Редферн.

Блатт взглянул на часы.

– Я иду ужинать, – сказал он. – А в целом, Редферн, мне больше нравятся пираты, а не эльфы.

– Право, мне бы очень хотелось посмотреть, как эльфы будут сбивать с пути старину Блатта, – со смехом признался Патрик, когда Хорас ушел.

– Для прожженного дельца у мистера Блатта, по-моему, чересчур романтическое воображение, – задумчиво заметил Пуаро.

– Это все следствие недостатка образования, – сказал Редферн. – По крайней мере, так говорит моя жена. Вы только посмотрите, что он читает! Одни детективы и книги про Дикий Запад.

– Вы хотите сказать, что у него по-прежнему образ мышления подростка? – спросил Пуаро.

– Ну, а разве вам так не кажется, сэр?

– Что касается меня, я с ним почти незнаком.

– Да и я тоже мало его знаю. Раза два мы с Блаттом ходили на яхте, однако на самом деле ему не нравится, когда рядом кто-нибудь есть. Он предпочитает выходить в море в одиночестве.

– А вот это действительно странно, – заметил Пуаро. – И кардинально отличается от его поведения на суше.

Редферн рассмеялся.

– Знаю, – сказал он. – Всем нам приходится прилагать изрядные усилия, чтобы держаться от него подальше. Блатт готов превратить это место в нечто среднее между Маргитом и Ле-Туке.

Пуаро задумчиво молчал минуты две, внимательно изучая смеющееся лицо своего собеседника.

– По-моему, месье Редферн, вы получаете огромное наслаждение от жизни, – вдруг совершенно неожиданно сказал он.

Патрик удивленно уставился на него.

– Ну да, получаю. А почему бы и нет?

– Действительно, почему бы и нет? – согласился детектив. – Позвольте поздравить вас с этим.

– Благодарю вас, сэр, – усмехнувшись, сказал Редферн.

– Вот почему как человек, который старше вас, намного старше, я осмелюсь дать вам один совет.

– Да, сэр?

– Один мой очень мудрый друг, работавший в полиции, сказал мне много лет назад: «Эркюль, друг мой, если хотите познать спокойствие, избегайте женщин».

– Боюсь, сэр, этот совет несколько запоздал, – сказал Патрик. – Как вам известно, я уже женат.

– Да, знаю. Ваша жена – очаровательная, культурная женщина. Она вас очень любит.

– И я ее очень люблю, – резко произнес Редферн.

– А, – сказал Пуаро, – я рад это слышать.

Внезапно лицо Патрика затянулось грозowymi тучами.

– Послушайте, месье Пуаро, к чему вы кло-ните?

– Les femmes[11 - Женщины (фр.)]. – Откинувшись назад, Пуаро закрыл глаза. – Я кое-что о них знаю. Они способны невыносимо усложнить жизнь. А англичане – они ведут себя как дети... Мистер Редферн, уж если вам обязательно нужно было приехать сюда, зачем, во имя всего святого, вы привезли свою жену?

– Я не понимаю, о чем это вы! – гневно промолвил Патрик.

– Вы меня прекрасно понимаете, – спокойно возразил маленький бельгиец. – Я не настолько глуп, чтобы спорить с человеком, ослепленным любовью. Я лишь предостерегаю вас.

– Вы наслушались этих проклятых сплетниц! Миссис Гарднер, Брюстер – они только и делают, что весь день напролет треплют языками. Только потому, что женщина привлекательна... они готовы обрушиться на нее, подобно мешку с углем!

Эркюль Пуаро встал.

– Не может быть, чтобы вы были настолько неискушены, – пробормотал он.

Покачивая головой, он направился к выходу. Разъяренный Редферн смотрел ему вслед.

V

По пути из обеденного зала детектив задержался в фойе. Двери были распахнуты – с улицы проникало дыхание теплого вечернего воздуха. Дождь прекратился, туман рассеялся. На чистом небе выпали звезды.

Эркюль Пуаро застал миссис Редферн на ее излюбленном месте на краю скалы. Остановившись рядом с нею, он сказал:

– Скамья мокрая. Напрасно вы здесь сидите. Вы можете простудиться.

– Нет, я не простужусь. К тому же это не имеет значения.

– Та-та-та, вы не ребенок! Вы образованная женщина. Вы должны смотреть на все разумно.

– Уверю вас, у меня никогда не бывает простуды, – холодно сказала Кристина.

– Весь день сегодня было сыро, – настаивал Пуаро. – Дул ветер, шел дождь. Туман был такой густой, что ничего нельзя было разглядеть. Eh bien[12 - Хорошо (фр.)], что мы видим сейчас? Туман рассеялся, небо ясное, над головой сияют звезды. Так устроена жизнь, мадам.

– Знаете, от чего меня здесь просто тошнит? – со злостью прошептала Кристина.

– От чего, мадам?

– От жалости!

Это слово прозвучало словно щелчок бича.

– Думаете, я ничего не знаю? – продолжала женщина. – Думаете, я ничего не вижу? Все вокруг говорят: «Бедная миссис Редферн, маленькая бедняжка!» Во всяком случае, я не маленькая – у меня достаточно большой рост. Про меня говорят «маленькая», потому что жалеют. Мне невыносимо это слышать!

Пуаро тщательно расстелил на скамье носовой платок и осторожно сел.

– В этом что-то есть, – задумчиво произнес он.

– Эта женщина... – начала было Кристина и умолкла.

– Вы позволите кое-что вам сказать, мадам? – мрачно произнес детектив. – Это такая же истина, как и звезды над нами. В этом мире арлены стюарт – или арлены маршалл – ничего не стоят.

– Вздор! – пробормотала миссис Редферн.

– Уверяю вас, это правда. Их притязания тщетны. По-настоящему женщина чего-нибудь стоит только тогда, когда она добродетельна или умна.

– Вы полагаете, мужчинам есть какое-либо дело до добродетели или мозгов? – презрительно бросила Кристина.

– В конечном счете да, – серьезно ответил Пуаро.

Она усмехнулась.

– Я с вами не согласна.

– Ваш муж вас любит, мадам, – сказал Пуаро. – Я это знаю.

– Вы не можете это знать.

– Да, да, я это знаю. Я видел, как он на вас смотрит.

Внезапно миссис Редферн не выдержала. Упав Пуаро на плечо, она залилась горькими слезами.

– Я больше не могу... я больше не могу...

Потрепав ее по руке, бельгиец ласково сказал:

– Терпение, только терпение.

Выпрямившись, Кристина прижала к глазам платок.

– Все в порядке, – сдавленно промолвила она. – Мне уже лучше. Я... мне бы хотелось побыть одной.

Послушно встав, Пуаро направился по извилистой тропинке назад в пансионат.

Он уже почти вернулся обратно, когда услышал приглушенные голоса.

Детектив свернул с тропинки. В кустах был проход.

Он увидел Арлену Маршалл, а рядом с нею – Патрика Редферна; услышал его голос, дрожащий от полноты чувств.

– Я от тебя без ума... без ума... ты лишила меня рассудка... Я тебе не безразличен? Ты меня хоть немного любишь?

Пуаро увидел лицо Арлены Маршалл – она показалась ему холеной довольной кошкой, в ней не было ничего человеческого.

– Ну конечно, милый Патрик! – сказала она. – Я тебя обожаю. Ты это знаешь...

В кои-то веки Пуаро не стал подслушивать дальше. Вернувшись на тропинку, он спустился к пансионату.

Ему навстречу шагнула фигура. Это был капитан Маршалл.

– Чудесный вечер, вы не находите? – сказал он. – И это после столь отвратительного дня... – Кеннет посмотрел на небо. – Похоже, завтра нас ждет погожий день.

Глава 4

I

Утро 25 августа выдалось ясным и безоблачным. В такой день даже неисправимый лежебока не может долго валяться в постели.

В это утро в «Веселом Роджере» несколько человек встали рано.

Было восемь часов, когда Линда, сидевшая за туалетным столиком, перевернула толстый томик кожаным переплетом вверх, провела по нему рукой и посмотрела на свое лицо в зеркале: губы поджаты, зрачки сужены.

– Я сделаю это... – выдохнула она.

Сняв пижаму, Линда переоделась в купальник, поверх него накинула халат, а на ноги надела сандалии.

Выйдя из номера, девушка направилась по коридору. В дальнем конце находилась дверь, ведущая на балкон, откуда к скалам внизу спускалась наружная лестница. К скале была прикручена железная лесенка, ведущая к

самой воде, которой многие постояльцы пансионата пользовались для того, чтобы быстро окунуться до завтрака, поскольку это отнимало меньше времени, чем спуск к основному пляжу.

Спускаясь по лестнице вниз, Линда встретила своего отца, который поднимался навстречу.

– Рановато ты сегодня, – сказал тот. – Хочешь искупаться?

Линда молча кивнула.

Они разошлись.

Однако вместо того, чтобы спуститься к скалам, девушка повернула налево в обход пансионата. Она вышла на дорожку, которая вела к дамбе, соединяющей остров с большой землей. Был прилив, и дамба скрылась под водой, однако у маленькой пристани качалась лодка, на которой переправлялись постояльцы пансионата. Лодочник куда-то отлучился.

Линда спрыгнула в лодку, отвязала ее и взялась за весла.

Хозяйка магазина только что сняла ставни и подметала пол. Увидев Линду, она удивилась.

– Вот так дела, мисс, вы сегодня рано!

Сунув руку в карман халата, девушка достала деньги и приступила к покупкам.

II

Когда Линда вернулась в пансионат, перед дверью ее номера стояла Кристина Редферн.

– А, вот ты где! – воскликнула Кристина. – А я-то думала, что ты еще не вставала!

– Нет, я уже сходила искупалась, – ответила Линда.

Заметив у нее в руках сверток, Кристина удивленно сказала:

– Как рано сегодня доставили почту...

Линда залилась краской и, смутившись, неловко выронила сверток. Тонкая бечевка лопнула, и содержимое раскатилось по полу.

– Зачем ты накупила свечей? – воскликнула Кристина.

Но, к счастью для Линды, она не стала дожидаться ответа, а продолжила, помогая собрать покупки:

– Я пришла, чтобы спросить, не пойдешь ли ты сегодня утром со мной в бухту Чаек. Я хочу сделать там несколько набросков.

Линда с готовностью согласилась.

За последние несколько дней она уже не раз сопровождала Кристину. К живописи та была равнодушна, но, возможно, нашла в ней предлог успокоить свое самолюбие, поскольку ее муж теперь уже почти все свое время проводил с Арленой Маршалл.

Сама Линда становилась все более угрюмой и раздражительной. Ей нравилось проводить время вместе с Кристиной, которая, поглощенная работой, почти не говорила. Для девушки это было все равно что находиться в полном одиночестве и в то же время иметь хоть какое-нибудь общество. Между ней и Кристиной установилась симпатия, вероятно, основанная на обоюдной неприязни по отношению к одному и тому же человеку.

– В двенадцать у меня теннис, так что нам лучше выйти пораньше, – сказала Кристина. – Как насчет половины одиннадцатого?

– Хорошо. Буду готова. Встречаемся в фойе.

III

Сбегая вниз по лестнице, Линда налетела на Розамунд Дарнли, выходящую из обеденного зала после позднего завтрака.

– Ой! Простите, мисс Дарнли!

– Чудесное утро, не правда ли? – приветливо сказала та. – После вчерашнего трудно в это поверить.

– Согласна. Мы с миссис Редферн идем в бухту Чаек. Я обещала встретиться с ней в половине одиннадцатого. Кажется, я опаздываю...

– Нет, еще только двадцать пять минут одиннадцатого.

– О! Отлично!

Девушка запыхалась, и Розамунд с любопытством посмотрела на нее.

– Линда, ты, часом, не заболела?

У той светились глаза, щеки горели румянцем.

– Нет, нет! Всё в порядке!

– Сегодня такой чудесный день, что я решила сходить на завтрак. Обыкновенно я завтракаю в постели. Но сегодня спустилась вниз и встретила лицом к лицу с яичницей с ветчиной, как поступают лишь настоящие мужчины.

– Да – после того, что было вчера, погода просто райская. По утрам в бухте Чаек очень хорошо. Я намажусь маслом для загара и стану совсем черной.

– Да, по утрам в бухте Чаек восхитительно, – согласилась Розамунд. – И там гораздо спокойнее, чем здесь, на пляже.

– Идемте с нами, – застенчиво предложила Линда.

Мисс Дарнли покачала головой.

– Только не сегодня. У меня есть другие дела.

На лестнице появилась Кристина Редферн. На ней были свободное кимоно с длинными рукавами и широкие брюки из зеленой ткани с желтым рисунком. У Розамунд зачесался язык сказать, что для светлых волос и анемичной белой кожи зеленый с желтым – самые неподходящие цвета. Ее неизменно раздражало, когда люди не чувствовали цвет.

«Если б я одевала эту девочку, ее муж быстренько бы обратил на нее внимание, – подумала она. – Какой бы ни была Арлена, одеваться она определенно умеет. А эта бедная девочка похожа на увядший салат-латук...»

– Желаю вам приятно провести время, – сказала Розамунд вслух. – А я отправляюсь на Солнечную террасу с книгой.

IV

Эркюль Пуаро позавтракал у себя в номере – как обычно, кофе и булочки. Однако красота утра заставила его покинуть пансионат раньше обыкновенного. Было всего десять часов, когда он спускался на пляж, по крайней мере, на полчаса раньше обыкновенного. Да и на самом пляже в это время был всего один человек.

Арлена Маршалл.

Облаченная в белый купальник, с зеленой китайской шляпой на голове, она пыталась спустить на воду белый деревянный плот. Пуаро галантно поспешил на помощь, при этом промолив насквозь свои белые замшевые штиблеты.

Арлена Маршалл поблагодарила его.

Она уже была готова отчалить, но затем окликнула маленького бельгийца:

– Месье Пуаро!

Тот поспешил к кромке воды.

– Мадам?

– Сделайте для меня одно одолжение, хорошо? – сказала Арлена Маршалл.

– Все что пожелаете.

Она улыбнулась.

– Никому не говорите, где я. – Ее взгляд наполнился мольбой. – Все непременно последуют за мной. А мне очень хочется побыть одной.

Она налегла на весла.

Пуаро вернулся на пляж.

– Ah, ?а, jamais![13 - О, никогда! (Фр.)] – пробормотал он. – В это, par exemple[14 - К примеру (фр.).], я не верю.

Он сомневался в том, что Арлене Стюарт, если называть ее тем именем, под которым она играла на сцене, когда-либо в жизни хотелось одиночества. У Эркюля Пуаро, повидавшего мир, были другие соображения на этот счет. Вне всякого сомнения, миссис Маршалл условилась о встрече с кем-то, и Пуаро прекрасно знал, с кем именно.

Точнее, думал, что знает, но, как выяснилось, он ошибался.

Ибо как только плот вышел из бухты и скрылся из виду, из пансионата на пляж спустился Патрик Редферн, за которым следовал Кеннет Маршалл.

– Доброе утро, Пуаро, – кивнул детективу Маршалл. – Нигде не видели мою жену?

– Разве миссис Маршалл уже встала? – дипломатично ответил бельгиец.

– В номере ее нет, – сказал Кеннет и посмотрел на небо. – Чудесная погода. Я искупаюсь прямо сейчас. Сегодня утром мне предстоит много печатать на машинке.

Патрик осмотрел берег не так открыто. Подсев к Пуаро, он приготовился ждать свою даму сердца.

– Ну, а мадам Редферн? – спросил Пуаро. – Она также встала рано?

– Кристина? О, она отправилась делать зарисовки, – сказал Патрик. – В последнее время она очень увлеклась живописью.

В его голосе сквозило нетерпение. Было очевидно, что мыслями он в другом месте. Время шло, и Редферн все более откровенно демонстрировал свое недовольство тем, что Арлена задерживается. Всякий раз, слышав шаги, он тотчас же оборачивался, чтобы узнать, кто спускается из пансионата.

Одно разочарование следовало за другим.

Сначала появились мистер и миссис Гарднеры, с непременными вязанием и книгой. Затем на пляж спустилась мисс Брюстер. Миссис Гарднер, как всегда деятельная, уселась и принялась за вязание, одновременно работая языком.

– Ну, месье Пуаро, сегодня утром пляж что-то пустой. Где все?

Пуаро объяснил, что Мастерманы и Коуэны, две семьи с детьми, отправились на весь день на экскурсию на яхте.

– Да, определенно, это сразу чувствуется. Никто не смеется и не кричит. И купается только один человек – капитан Маршалл.

Последний только что вышел на берег. Размахивая полотенцем, он подошел к солярию и сказа-л:

– Море сегодня просто великолепное. К сожалению, у меня полно работы. Уже должен идти.

– О, как жаль, капитан Маршалл! Работать в такой чудный день... Господи, вчера погода была просто ужасная, правда? Я сказала мистеру Гард-неру, что, если она и дальше будет плохой, нам придется отсюда уехать. Понимаете, когда весь остров окутан туманом, это навевает меланхолию. Возникает какое-то неприятное чувство... впрочем, я с детства очень реагирую на погоду. Понимаете, порой мне ни с того ни с сего просто хочется плакать и кричать. И, разумеется, моим родителям приходилось со мною нелегко. Но моя мать была прекрасная женщина, и она сказала моему отцу: «Синклер, если ребенку это хочется, мы не должны ему мешать. Крик для нее является самовыражением». И, конечно, отец согласился. Он был очень привязан к моей матери и делал все так, как она скажет. Они были замечательной парой, и, уверена, мистер Гарднер это подтвердит. Они ведь были выдающейся парой, не так ли, Оделл?

– Да, дорогая, – сказал мистер Гарднер.

– Капитан Маршалл, а где сегодня ваша девочка?

– Линда? Не знаю. Полагаю, бродит по острову.

– Знаете, капитан Маршалл, девочка кажется мне какой-то осунувшейся. Ей нужно усиленное питание и очень-очень сочувственное обращение.

– С Линдой всё в порядке, – отрезал Кеннет.

Он встал и направился в пансионат.

Патрик Редферн не стал заходить в воду. Он сидел на берегу, открыто уставившись на пансионат. Настроение у него постепенно ухудшалось.

Появилась мисс Брюстер, веселая и жизнерадостная.

Разговор пошел такой же, как и накануне: мягкое тявканье миссис Гарднер и резкий отрывистый лай мисс Брюстер.

– пляж какой-то пустой, – наконец отметила последняя. – Где все, на экскурсии?

– Я не далее как сегодня утром говорила мистеру Гарднеру, что мы просто обязательно должны совершить экскурсию в Дартмур, – сказала миссис Гарднер. – Это совсем недалеко, и обстановка такая романтическая... И еще мне хотелось бы посмотреть на тюрьму – Принстаун, не так ли? Оделл, полагаю, нам нужно прямо сейчас обо всем договориться и завтра отправиться туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Смерть на Ниле».

2

«Роз монд» (фр. *Rose mond*) – «Розовый мир»; созвучно с именем Розамунд.

3

Благодарю вас, мадемуазель (фр.).

4

Да, так (фр.).

5

Черт возьми! (Фр.)

6

Еккл. 9:3.

7

Симла – город в Северной Индии, расположен в предгорьях Гималаев.

8

Возможно (фр.).

9

Мой дорогой (фр.).

10

Знаменитые французские курорты.

11

Женщины (фр.).

12

Хорошо (фр.).

13

О, никогда! (Фр.)

К примеру (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/agata-kristi/zlo-pod-solncem-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)